

языков и вполне для того времени филологически подготовленные, нельзя считать слишком смелой. В 1786 г. Михаил Могилин составил «Краткий отяцкия граммати-ческий опыт» (более 100 стр.); по словам Н. Блинова (Языческий культ вотяков, Вятка 1878, стр. 73), М. Мишкиным в 1795 г. была написана «Новая отяцкая грам-матика». В 1816 году З. Кротов написал книгу «Грамматика отяцкого языка». Все они остались в рукописи. Следовательно, уже во второй половине XVIII века были мест-ные люди, способные составить грамматику удмуртского языка.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. В. Пуцек-Григорович не мог быть автором и общим редактором названных «Грамматик». Он их представил для издания в Академию наук только потому, что занимал высший церковный пост в Казанской и Свияжской епархии; вполне допу-стимо, что идея написания этих грамматик принадлежит ему.

2. «Грамматики» были составлены тремя коллективами авторов — чувашская группа, вотская группа и черемисская группа. В состав групп входили преподаватели-филологи духовной семинарии, новокрещенских и славяно-латинских школ, попы, дьячки, писари, владевшие соответствующими языками, и учащиеся — чуваша, уд-мурты и марийцы. Руководителями могли быть лингвистически подготовленные пре-подаватели или попы.

<https://doi.org/10.3176/lu.1977.3.12>

А. И. Кузьмина, Грамматика селькупского языка. Часть I. Селькупы и их язык. Учебное пособие, под редакцией К. А. Тимофеева и Г. М. Прашкевича, Новосибирск 1974. 265 стр.

Активизация исследований по различ-ным аспектам строя малоизученных са-модийских языков в последнее время ста-ла особенно заметной, и это не может не радовать специалистов-самоедологов, а также лингвистов смежных областей. Значительную часть работ составляют исследования по селькупскому языку, среди которых рецензируемая моногра-фия определенно занимает видное место.

Книга представляет собой только первую часть широко задуманного иссле-дования А. И. Кузьминой, ставящего целью возможно более полное описание истории и культуры селькупов и основ-ных закономерностей строя их языка (по сообщению автора, вторая часть, где бу-дут рассмотрены вопросы морфологии, готовится к печати). Она состоит из «Предисловия» (стр. 3—4), «Введения» (стр. 5—27) и двух основных глав: «Селькупы» (стр. 28—187) и «Фонетиче-ский строй селькупского языка» (стр. 188—263). Композиция книги, хотя и не совсем сбалансированная (о чем подроб-нее будет сказано ниже), в целом соот-ветствует замыслу автора — дать крат-кий историко-этнографический очерк и

основные сведения о фонетическом строе селькупского языка.

Во «Введении» А. И. Кузьмина обос-новывает цели и задачи работы, показы-вает методiku исследования и дает крат-кий обзор источников по истории изуче-ния селькупов и их языка. Здесь спра-ведливо указывается, что «пожалуй, нет ни одного вопроса, относящегося к сель-купскому языку, который в наше время не оставался бы открытым» (стр. 5). Этим положением, в основном, и дикту-ется насущная необходимость и неот-ложность широких комплексных иссле-дований по всем диалектам и говорам сель-купского языка, который к тому же зам-етно изменяется вследствие иноязычного влияния и постепенно утрачивает (особен-но среди молодого поколения селькупов) свою коммуникативную функцию. Язык неотделим от говорящего на нем наро-да, он не поддается адекватному научно-му исследованию в отрыве от истории и общественной жизни носителей его, по-этому в книге столь большое внимание уделено показу истории, условий жизни и быта, материальной культуры сельку-пов. Все это, по словам автора, «дает

возможность постигнуть не только структуру самого языка, но и характерные особенности диалектов и говоров различных территориальных и бывших родо-племенных групп» (стр. 10). Не будучи специалистом по истории и этнографии, А. И. Кузьмина не проводила специальных историко-этнографических исследований; в большинстве случаев она лишь обобщает соответствующие сведения из многочисленных опубликованных и архивных источников, иногда давая попутно и собственную трактовку того или иного вопроса на основании весьма интересных личных наблюдений, полученных в результате многолетних экспедиций (начиная с 1957 г.) в места проживания селькупов и соседних с ними народов (хантов, кетов и др.). Непосредственно лингвистический материал, на котором основана работа, собран лично автором в течение 13 лет (1961—1974 гг.) у носителей различных диалектов и говоров селькупского языка во всех местах их проживания — по рекам Оби, Кети, Тыму, Парабели, Васюгану, Тазу, Турухану, Курейке, Елогую, Бакланихе, Пакулихе и др. Кроме того, привлекаются данные родственных и неродственных селькупскому языков, извлеченные из словарей, описательных и исторических грамматик, очерков по диалектологии современных финно-угорских языков и специальной лингвистической литературы.

Исследование всех собранных материалов проводилось методом сравнительно-исторического анализа с комплексным рассмотрением данных лексики, фонетики и грамматики, а также этнонимии, фольклорных сюжетов и этнографических данных. Часть лингвистических материалов, полученных аудио-визуальным методом, проверена и уточнена в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований при Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (Новосибирск) при участии В. М. Надеяева.

Второй раздел «Введения» посвящен краткому обзору источников по истории изучения селькупов и их языка, начиная с первых сведений о селькупях XVII—XVIII вв. и кончая современными исследованиями отечественных и зарубежных ученых. А. И. Кузьмина констатирует, что по селькупам и их языку существует сравнительно обширная литература. Отдавая должное значительному вкладу

предшествующих исследователей в изучение селькупов и их языка, она, тем не менее, справедливо отмечает, что обобщающих работ по расселению, миграциям, экономическим и языковым контактам селькупов нет, как нет и полного, целостного описания селькупского языка, особенно в его современном состоянии. Отсюда следует, что в рецензируемой работе в первые предпринимается попытка описания всех аспектов селькупского языка, а также различных сторон истории его носителей. А. И. Кузьмина считает все же необходимым заметить (стр. 12), что материалы ее книги не претендуют на полноту и завершенность, а могут послужить лишь основой для дальнейшего всестороннего изучения селькупского языка. Именно под таким углом зрения мы и намерены рассматривать ее работу.

При обзоре источников приведены практически все наиболее важные работы. На наш взгляд, на стр. 22 и 23 было бы уместно упомянуть еще и такие интересные и высокоинформативные публикации: K. Donner, *Siperia — elämä ja elätisyys, Helsinki 1939 (La Sibérie, la vie en Sibérie, les temps anciens, Paris 1946)*; G. Prokofjev, *Materialien zur Erforschung der Ostjak-Samojedischen Sprache. Die Tasovsche Mundart* (— *UJb. XI 1931*, стр. 91—98, 293—297, 440—452). На стр. 27 вызывают недоумение имена Я. Тамаша и М. Тибора — вероятно, здесь имеются в виду венгерские исследователи Т. Янурик (*Janurik Tamás*) и Т. Микола (*Mikola Tibor*); неверно транслитерируется фамилия Шебештьен. Здесь же не приведены выходные данные книги L. Szabó, *Selkup Texts. With Phonetic Introduction and Vocabulary, Bloomington — The Hague 1967 (UAS 75)*. На стр. 26 безосновательно утверждается, что большую работу по сбору материалов селькупского языка провели Е. Больдт, Л. А. Калинин, Л. Б. Климова — насколько нам известно, они этим не занимались; здесь же в число учеников А. П. Дульзона почему-то включена Э. Г. Киселева, которая таковой никогда не была (попутно заметим, что в число учеников А. П. Дульзона включены далее (стр. 97) и З. Я. Бояршинова, Б. О. Долгих, Г. И. Пелих). Видимо, в 60-х годах нашего века А. И. Кузьминой не было необходимости проверять точку зрения А. П.

Степанова (1835 г.), по которой остяков Надско-Пумпокольской волости (на верхней Кети) надо причислять не к енисейским остякам (кетам), как это делал Ю. Клапрот, а к самоедам — со всей очевидностью это следует уже из материалов известного словаря М. А. Кастрена, опубликованного в 1855 г. Следует отметить также, что в тексте «Введения» много орфографических ошибок, особенно в сносках на иностранных языках (например, стр. 18, 20, 22).

Первая глава книги А. И. Кузьминой содержит следующие разделы: Общие сведения; К вопросу о названиях и самоназваниях селькупов; Место селькупов среди других самодийских народов; К вопросу о прародине самодийцев; К истории селькупов; К вопросу о социальной организации селькупов; Территориальное размещение и численность; Природно-географические условия; Гидрография; Антропология; Религиозные верования, фольклор; Контакты с другими народами и влияние их языков на селькупский; Школьное дело, письменность.

В разделе о названиях и самоназваниях селькупов А. И. Кузьмина приводит данные по названиям ряда селькупских этнических и территориальных групп, основываясь преимущественно на собственных материалах. В целом они не новы и совпадают с данными предшествующих исследователей, но представляют определенный интерес в плане выявления мест проживания различных современных этнических групп селькупов.

Определяя место селькупов среди других самодийских народов, автор безоговорочно придерживается традиционного подразделения самодийцев на северных (ненцы, энцы, нганасаны) и южных (селькупы, камасинцы и ряд народностей Саянского нагорья). На наш взгляд, следовало бы отметить, что такое подразделение во многом условно, поскольку оно пока не подкреплено достаточно основательными лингвистическими доказательствами. Во всяком случае, лексико-статистические данные Е. А. Хелимского показывают, что селькупский язык по отношению к камасинскому стоит отнюдь не ближе, чем к северносамодийским языкам (см. Е. А. Хелимский, К проблеме классификации самодийских языков. — Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докла-

дов, Москва 1973, стр. 77—82). В этом разделе имеются курьезные ошибки: «В прошлом к самодийской группе относились камасинцы, вымершие в последнем десятилетии нашего (?! — очевидно, «прошлого» — Ю. М.) столетия» (стр. 34); «Последняя камасинка, помнившая язык предков, умерла в 1971 г.» (стр. 38). По свидетельству А. Кюннапа, это не так (см. его рецензию на канд. дисс. Я. Н. Поповой «Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка» — *Fenno-ugristica* 3, Tartu 1976 (TRÜT 397), стр. 143).

Рассматривая вопрос о прародине самодийцев, А. И. Кузьмина очень подробно анализирует все точки зрения по этой проблеме, которые сводятся к трем основным теориям: а) северного происхождения самодийцев, б) южного (или восточного) происхождения, в) западного (зауральского) происхождения. На основании изучения археологических и исторических материалов, а также языковых сопоставлений, автор считает возможным присоединиться к гипотезе западного происхождения самодийцев, согласно которой район Саян считается промежуточным этапом миграции самодийцев с запада на восток и далее на север и северо-запад. По нашему мнению, изложение вопроса о прародине самодийцев стало бы компактнее и убедительнее, если бы А. И. Кузьмина сразу определила точное содержание термина «прародина самодийцев». Известно, что в имеющейся литературе данный термин до сих пор употребляется в трех значениях, каждое из которых, впрочем, может быть вполне оправданным для определенных условий; так, прародиной самодийцев может называться: 1) территория, где сложилась самодийская языковая общность, 2) территория, на которой жил народ — носитель самодийского праязыка в течение всего самодийского периода, начиная с формирования праязыка до разделения, 3) территория, на которой самодийская общность распалась (ср. аналогичное положение в отношении прародины финно-угров: Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974, стр. 29—30).

В обширном разделе «К истории селькупов» А. И. Кузьмина прослеживает

процесс формирования отдельных подгрупп селькупов, их историю и миграции. Она приходит к выводу, что все современные локальные «группки» селькупов происходят от одного общего племени. Как ветви одного племени, они имеют много общего; однако вследствие более раннего или позднего отделения той или иной подгруппы и их дальнейшего (в разной степени изолированного) развития, у каждой подгруппы селькупов появился ряд характерных черт. И все же автор книги считает возможным — вслед за своими предшественниками — выделить в составе современных селькупов две большие группы, в какой-то степени противопоставленные друг другу: южных селькупов (ранее называвшихся нарымскими) и северных селькупов, отпочковавшихся от основной массы южных селькупов в результате трех крупных миграционных волн. Развитие этих групп происходило по-разному не только в отношении материальной культуры, ведения хозяйства, но и формирования диалектов, что дает А. И. Кузьминой основание квалифицировать их как лингво-этнографические.

Вопросы социальной организации селькупов уже давно стали предметом специальных исследований историков и этнографов, которые строили свои выводы, однако, большей частью на одностороннем (в смысле источника) материале. А. И. Кузьмина присоединяется к мнению З. П. Соколовой о том, что общественный строй северных и южных селькупов следует дифференцировать более конкретно, хотя осуществить это достаточно трудно. Для результативного сопоставления здесь на первый план выдвигается задача сплошного исследования как северных, так и южных селькупов — чтобы получить единые данные, охватывающие одновременную историю обеих групп.

Говоря о территориальном размещении и численности селькупов, А. И. Кузьмина оперирует как старыми данными разных исследователей, так и новейшими данными, собранными ею. Именно они-то, на наш взгляд, и представляют наибольший интерес. Особо следует отметить заслугу А. И. Кузьминой в обнаружении крупной локальной группы ларьякских селькупов (свыше 400 человек) в Пуровском районе Ямало-Ненецкого национального округа, а также в определении ис-

тинной национальной принадлежности представителей целого ряда территориальных групп исконно селькупского населения, которые ранее ошибочно причислялись к другим народностям (например, к хантам). Кстати, именно этим фактом и можно было бы, по нашему мнению, объяснить приводимые в книге без какого-либо комментария (стр. 108) данные относительно общей численности селькупов по переписям 1959 и 1971 гг. (соответственно 3800 и 4300 человек): представляется сомнительным, чтобы за десяток лет такое значительное увеличение численности у столь малого народа было возможно исключительно за счет естественного прироста.

Среди остальных материалов первой главы, которые по-своему органично вписываются в книгу, наибольший интерес в лингвистическом аспекте представляет раздел о контактах селькупов с другими народами и влиянии их языков на селькупский. Контакты эти последовательно дифференцируются автором по времени — рассматриваются как древние связи, так и отношения селькупов с соседними народами на современном этапе. А. И. Кузьмина прослеживает связи селькупов с тюрками, хантами, манси, ненцами, кетами, эвенками, русскими. Результаты разнообразных контактов отразились и отражаются не только в жизни и быте, хозяйственном укладе, культуре, социальной организации, антропологическом типе селькупов, но и, естественно, в их языке. По понятным причинам языком, в наибольшей мере повлиявшим на селькупский, является русский. А. И. Кузьмина отмечает, что селькупский язык испытал на себе воздействие русского повсеместно — в ряде мест сильнее (например, на средней Оби), в других — слабее (в верховьях Тыма, на Вахе, в верховьях Баихи). В последнее время в селькупский язык проникает все больше заимствований из русского в области как фонетики и лексики, так и морфологии и синтаксиса.

Вторая глава монографии посвящена фонетическому строю селькупского языка. Здесь А. И. Кузьмина поставила перед собой следующие задачи:

1. Охарактеризовать артикуляционную базу селькупского языка.
2. Определить количественный состав

гласных и согласных звуков основных говоров семи диалектов селькупского языка, выявить все употребляемые в речи селькупов звукотипы, дать краткое описание гласных и согласных в сопоставлении со звуками других языков.

3. Установить систему соответствий гласных и согласных по различным говорам и диалектам селькупского языка.

4. Определить позиции гласных и согласных в слове и возможности сочетаемости согласных и гласных каждого типа.

5. Охарактеризовать звуки в фонематическом плане, определить фонемный состав основных диалектов селькупского языка, сделать попытку классификации гласных и согласных по фонематическим признакам, установить систему противопоставлений фонем.

Сразу же следует отметить, что в книге эти проблемы нашли соответствующее отражение, но только не в отношении всего селькупского языка, а преимущественно в отношении одного из среднеобских говоров — тогурско-иванкинского, звуковую систему которого А. И. Кузьмина считает наиболее богатой и интересной.

Характеризуя артикуляционную базу селькупского языка и основные закономерности его звукового строя, автор в 21 пункте излагает ряд общих для селькупских диалектов и говоров черт. Не останавливаясь на подробном анализе каждого из этих пунктов, отметим только, что в большинстве своем наблюдения и выводы А. И. Кузьминой вполне обоснованы. Однако, по нашему мнению, утверждение о том, что «все звуки селькупского языка отличаются сильной напряженностью и четкостью артикуляции» (стр. 190), выглядит, по меньшей мере, спорным: против него говорит уже хотя бы тот известный факт (признаваемый и А. И. Кузьминой), что «в селькупском языке очень сильно развита ассимиляция звуков» (стр. 197); кроме того, наблюдается широкая вариативность в произношении как гласных, так и согласных. Наши исследования показывают, что в селькупском языке очень последовательно и систематично протекают различные фонетические процессы, имеющие в основе тенденцию к ослаблению артикуляционной напряженности.

Противоречивым выглядит и утверждение о том, что «огубленность и неогубленность согласных относится к оттенковым признакам селькупского языка» (стр. 197) — оно явно не согласуется с тем, что в селькупском языке есть целый ряд лабиализованных согласных фонем, рассматриваемых и А. И. Кузьминой в целом разделе (стр. 236—245).

Вопрос о долготе/краткости гласных автором книги решается в пользу признания фонематичности этого признака, хотя при этом отмечается, что долгота селькупских гласных — явление специфическое и непоследовательное (стр. 192). Вероятно, вопрос о фонематичности долготных характеристик селькупских гласных требует более основательной инструментальной проверки и последующего статистического анализа полученного экспериментального материала. Во всяком случае, есть достаточные основания предполагать, что долгота селькупских гласных очень тесно связана с типом слога и ударением (Ю. А. Морев, Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка. Канд. дисс., Томск 1973, стр. 49—54, 243—244, 254—260).

Говоря о слоговой структуре селькупского слова (стр. 197), А. И. Кузьмина в целом повторяет наши данные, но без соответствующей сноски (имеются в виду материалы вышеназванной диссертации, стр. 106—115, 233—238, а также: Ю. А. Морев, К вопросу о слоге и слоговой структуре слова в селькупском языке (на материале среднеобского диалекта чумылькупов). — Языки и топонимия, вып. I, Томск 1976, стр. 76—85; с рукописью этой статьи А. И. Кузьмина ознакомилась еще в 1972 г.).

В тогурско-иванкинском говоре А. И. Кузьмина выделяет 24 гласные фонемы, организованные в единую систему по рядности, высотности, длительности и огубленности (перевод в ФУТ наш — Ю. М.):

- 1) гласные переднего ряда неогубленные: \bar{i} , i , \bar{e} , e , $\bar{\epsilon}$, ϵ , \bar{a} , $\bar{ä}$, $\bar{ä}$, a ;
- 2) гласные переднего ряда огубленные: $\bar{ü}$, $\bar{ü}$, \bar{o} , \bar{o} ;
- 3) гласные смешанного ряда неогубленные: \bar{i} , i , \bar{e} , ϵ ;

4) гласные смешанного ряда огубленные: \bar{o} , o ;

5) гласные заднего ряда огубленные: \bar{u} , u , \bar{o} , o .

В составе консонантизма тогурско-иванкинского говора рассмотрено соответственно 25 согласных фонем:

1) губные: p , m , β , f ;

2) переднеязычные: t , s , l , r , n , \check{s} , \check{c} , c , $t\beta$, $s\beta$;

3) среднеязычные: j , \acute{n} , l , \acute{t} , \acute{c} , $\acute{c}\beta$;

4) заднеязычные: k , η , $k\beta$;

5) увулярные: q , $q\beta$.

Все оттенки гласных и согласных фонем тогурско-иванкинского говора подробно проанализированы и описаны в конкретных условиях их реализации, в ряде случаев с уместными экскурсами в историческую фонетику, и для наглядности сведены в таблицы. Что же касается такого необходимого аспекта описания, как характеристика употребительности звуков (фонем, оттенков), то А. И. Кузьмина ограничивается чисто интуитивными оценками типа: «большая частотность употребления» (стр. 208), «довольно употребителен» (стр. 220, 256), «довольно распространен» (стр. 221), «очень распространен» (стр. 225), «наиболее распространен» (стр. 257), «не очень распространен» (стр. 250) и т. п. Совершенно очевидно, что подобные характеристики, вытекающие из простого наблюдения, а не строгого статистического анализа, очень расплывчаты и малоинформативны.

Хотя еще в начале своей книги А. И. Кузьмина признает, что записи К. Доннера (выполненные, как известно, в ФУТ) «отличались чрезвычайной тщательностью и абсолютной точностью передачи звуков при помощи очень подробной научно разработанной транскрипции» (стр. 21), она предпочитает пользоваться не традиционной ФУТ, а двумя другими совершенно разнотипными транскрипциями, что зачастую приводит к недоразумениям и существенно затрудняет чтение, а также цитирование ее селькупских примеров в соответствующей лингвистической литературе.

Естественное недоумение читателя вызывается тем, что — на фоне многообразной информации — в книге не нашлось места для рассмотрения системы диалектных подразделений селькупского языка — проблемы, во многих отноше-

ниях ключевой. Говоря о семи основных селькупских диалектах, А. И. Кузьмина не приводит сколько-нибудь подробного лингвистического обоснования этого тезиса. Хотя А. И. Кузьмина многократно подчеркивает, что ею изучено 22 говора селькупского языка, эти говоры также остаются «вещью в себе»: читатель не получает никакой информации о принципах выделения говоров, о их качественной характеристике, более того, в книге нет даже конкретного списка этих говоров. Неясным остается и количественный состав всего корпуса селькупских говоров — либо это декларируемая автором книги цифра 22, либо больше. На наш взгляд, отсутствующее в книге заключение как раз и могло бы органично включить в себя рассмотренные системы селькупских диалектных подразделений. Хотелось бы видеть в книге и суммарное описание фонемного инвентаря всех изученных А. И. Кузьминой говоров вместе с системой регулярных звуковых соответствий по говорам.

Несомненно интересное содержание книги облечено в довольно несовершенную форму. Создается впечатление, что при подготовке рукописи к изданию она совсем не прошла редактирование и правку — в книге недопустимо много (тем более, для учебного пособия) разного рода неточностей, опечаток и другого орфографического брака. Имея в виду малый тираж рецензируемой книги и важность рассматриваемых в ней вопросов, хочется надеяться, что в самом недалеком будущем потребуется ее переиздание (разумеется, с соответствующей переработкой). Несмотря на указанные выше недостатки, книга будит исследовательскую мысль, вызывает на творческую дискуссию, заставляет пересмотреть некоторые сложившиеся представления, выдвигает очередные задачи в исследовании селькупов и их языка. А. И. Кузьмина известна как большой знаток селькупского языка, она провела поистине огромную и чрезвычайно полезную работу по сбору и систематизации разнообразного фактического материала.

Рецензируемая монография очевидный шаг вперед в исследовании селькупского языка, заметный вклад в самодийское и уральское языкознание.

Ю. А. МОРЕВ (Томск)